

Энантioseмия производных слав. **krějati*

Энантioseмией принято называть развитие противоположных значений в семантической структуре одного и того же слова, что чаще всего связано с возможностью разной оценки одного и того же признака (*гордый* ‘обладающий чувством собственного достоинства’ и ‘высокомерный’). Нас интересует конкретный случай развития противоположных значений не в признаковой, а в акциональной семантике: наличие у производных слав. **krějati* значений ‘выздоровливать, приходить в себя, набираться сил’ (рус. диал. (ряз.) *креять*, укр. *кріяти*, блр. *кряць*, чеш. стар. *křati, křiti*) и ‘слабеть, терять силы; чахнуть’ (болг. *крея, крейъ*, рус. диал. (нижегор.) *хрять*) при болг. *крѣне* ‘слабость, изнеможение’ [Даль, IV, 1240; Дювернуа, 1045; СРНГ, 15, 241; ЭССЯ, 12, 130].

Относительно первичной семантики в этимологическом гнезде слав. **krějati* нет единого мнения: Вайян полагал, что первичным было значение ‘чахнуть’, О. Н. Трубачев видел в данном случае аналогию с развитием семантики у производных слав. **krěsati*, где исходной была семантика порождения, а значение лишения признака, как предполагалось, развилось у глагола **krějati* ‘набираться сил’ в сочетании с привативной приставкой *ot-* (**otkrějati*), сочетание с приставкой *vъz-* привело соответственно к усилению положительного значения **vъzkrěviti se*, т. е. для рассматриваемого случая возникновения противоположных значений у однокорневых слов предполагается первоначальное префиксальное их употребление с последующей депрефиксацией [см.: ЭССЯ, 12, 131]. Представляется, что в данном случае есть и другое решение вопроса о причинах полярности значений однокорневых слов.

Слав. **krějati* с точки зрения формального происхождения рассматривается как собственно славянское преобразование глагольной основы и.-е. **krējā-* в структурно итеративно-дуративный глагол с чередованием **krějati, *krъjati*. Неслоговое *i / j* в и.-е. **krējā-* и, соответственно, в слав. **krějati* определяется как вставное, закрывающее зияние (**krē-ā-*) [ЭССЯ, 12, 131; Walde, I, 286]. В славянских языках

обнаруживаются однокорневые образования с другим согласным расширением корня: слав. **krě-va-ti* / **kriviti*, представленное в с.-хорв. диал. *кревати* ‘набираться сил, поправляться’, словен. *krévati* ‘выздоровливать’, в.-луж. *křewić*, стар. *křawić* ‘оживлять’ и, возможно, болг. *крѣвам* ‘поднимать; просыпаться’ (если это не производное от **kręt-* [БЕР, 728; ЭССЯ, 12, 140; Skok, II, 192]). И среди производных слав. **krě-va-ti* можно, вероятно, обнаружить лексемы с иным, противоположным значением: так, ц.-слав. *крьвати* (*krěvati*) соотносится по семантике с лат. *quiescere, morāri* (Miklosich) [ЭССЯ, 12, 140], возможно, сюда же и блр. *кревинький* ‘слабенький, малосильный’, *кревносць* ‘ломкость, слабость’ [Носович, 252].

Сравнение семантических структур производных **krējati* / **krъjati* и **krěvati* / **kriviti* показывает, что для лексем со значением ‘выздоровливать, приходить в себя, набираться сил’ обязательна пресуппозиция ‘преодолевать имевшуюся слабость, утрату сил’. Наличие у однокорневых образований реализации значений ‘слабеть, терять силы; чахнуть’ позволяет предположить, что в противоположных значениях производных рассматриваемых этимологических гнезд реализовалась исходная семантика цикличности состояний ‘набираться сил / утрачивать силы’. На эту мысль наводят предполагаемые генетические связи слав. **krējati* / **krъjati*, **krěvati* / **kriviti* с лат. *creo, creāre* ‘творить, создавать, учреждать; порождать’ и *crēsko, crēscere* ‘расти, вырастать, разрастаться, превращаться’ («...In frondem crines, in ramos brachia crescent»). Происхождение лат. *creo* связывают с и.-е. **krējā* ‘рост’ (Остхоф и др.), считая его отыменным каузативом со значением ‘wachsen machen’, ‘Wachstum hervorrufen’ [ЭССЯ, 12, 131; Vaan, 142, 144; Walde, I, 286, 288]. Если семантика лат. *creo* и *crēsko* связана с выражением идеи роста, порождения, то семантическая структура образованного от того же варианта корня лат. *crēber* (<**k'rē-dhro-s*) означает ‘частый, густо растущий’ и ‘часто повторяющийся; следующий друг за другом’ (*pocula crebra* ‘бокалы за бокалами’), *crēbrō* ‘часто, многократно’, т. е. семантика роста сочетается с семантикой чередования (впрочем, это относится и к семантике порождения).

Синкретичность представления семантики роста и семантики чередования просматривается и в имени богини *Ceres, Cereris* (*Cerus*) при учете сфер ее влияния: Церера (Церус) — древнейшая итальянская и римская хтоническая богиня производительных сил земли,

произрастания и созревания злаков, а также подземного мира (ср. *Cerus manus* ‘creator bonus’), впоследствии Церера считалась богиней злаков и урожая. Церера, Либера, Либера — триада богов плебеев, в храме, где Церера заменила богов Сею, Сегетию, Мессию, Тутулину, был подземный алтарь Конса. В III в. до н. э. Церера сближается с Деметрой, культ ее эллинизируется [Мифы народов мира, II, 616–617]. Как известно, объединение функций божества производительных сил земли и подземного мира — мифотворческое представление природной цикличности. Имя *Ceres*, в отличие от *creo* и *crēscō*, образовано от другой, полной ступени корня (**k’er-*) и включается в обширное поле предполагаемых однокорневых образований в целом ряде индоевропейских языков (алб., арм., балт., герм., греч.), связанное с выражением понятий «семя», «сеять», «расти», «корм / кормить, питать», а также «производить, порождать» (арм.) [Pokorny, I, 577].

Таким образом, мы полагаем, что в семантике слав. **krějati* / **krějati*, **krěvati* / **kriviti*, где представлены значения ‘набираться сил’ и ‘утрачивать силы’, можно видеть следы развития семантики и.-е. **krējā* ‘рост’ как ‘производительная сила земли, реализующаяся в чередовании состояний *quiescere* / *crescere*’. Реконструкция такой исходно синкретичной семантики италийско-славянской изоглоссы, производной от **krē-j-* (вариант и.-е. **k’er-* с незакономерным отражением и.-е. **k-*палатального в славянских) поддерживается, на наш взгляд, и семантической «специализацией» производных индоевропейской основы **k’er-dh-* (балт., герм., греч., др.-инд., кельт., слав.), реализующихся в значениях ‘череда, очередность’, ‘род, семейство’, ‘стадо; толпа’ (ср. [ЭССЯ, 12, 130; Walde, I, 288–289]).

БЕР — Български етимологичен речник : в 3 т. / съст. В. И. Георгиев и др. София, 1982–1986.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб. ; М., 1903–1909 (1994).

Дювернуа А. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати : в 2 вып. М., 1885–1889.

Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. М., 1980.

Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. М., 1974–. Вып. 1–.

- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Kn. 1–4. Zagreb, 1971–1974.
- Vaan, de M.* Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden ; Boston, 2008.
- Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Heidelberg, 1938–1954.

Е. В. Душечкина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
dushechkina@yandex.ru

Антропонимическое пространство русской литературы XVIII в. (заметки к теме)

Ономастикон русской литературы XVIII в. поистине уникален. По количеству и разнообразию имен он несравним с именниками ни одного другого столетия. Объяснение этому феномену следует, видимо, искать в предельно интенсивной и разнонаправленной работе писателей, в том числе и в области имятворчества. Количество имен росло в процессе освоения мировой литературы, а стремительная эволюция, сопутствовавшая этому процессу, мобилизовала творческие силы писателей. Представленный нами обзор демонстрирует многообразие ономастических полей в этот период, их принадлежность к различным стилистическим системам, которые сменяли друг друга, а порой сосуществовали одновременно. Этот обзор далеко не полон и требует дальнейшей разработки, классификации и приведения примеров, по необходимости сведенных здесь к минимуму.

1. Классицистический канон требовал включения в тексты имен древнегреческих и римских персонажей. Наряду с мифологическими, использовались имена исторические (поэтов, полководцев, политиков — *Гораций, Персий, Ювенал*), которые нередко выполняли функцию заместителей имен русских деятелей, служа смысловыми параллелями к эпохе и героям античного мира, на который ориентировался